

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 14 (97)

По страницам общественной печати дореволюционного Майкопа.

«Граф Пятый» — В. Бударный об адыгах и Северо-Западном Кавказе

Черкесы

«Но европейца всё внимание,
Народ сей чудный привлекал...»

Я побывал в черкесском ауле. 9 лет прошло с того времени, как я жил в нем. Сколько перемен и сколько нового принесло то время! Были радостные, были и печальные вести. Но самой грустной вестью было: смерть молодых от 12 до 30 лет знакомых мне лиц.

На мои вопросы, где такой-то или такая, я только и слышал в ответ: умерла.

Тяжело черкесам жить на равнине. Их невольно приходится сравнивать с выхваченным из родных просторных и неприступных гор и занесённым на пугающую роковую равнину орлом. Могучим вольным орлом — царём диких и неприступных гор Кавказа!

Мрут горцы и вырождаются. Внимание европейца сей чудный народ уже не привлекает. Нет этого чудного Пушкинского народа! Он переродился...

Всё переменяется у горцев.

Живя на равнине, окружённые русскими, они своей меняющейся жизнью начинают создавать какое-то новое русско-азиатское племя, разлагающееся в своих вновь перенимаемых и забываемых обычаях и законах.

Жалко до боли, жалко до слёз смотреть на когда-то бывший «чудный» народ!..

...Есть, правда, ещё много патриархальных семейств, крепко сохранивших своё былое величие горских черкесов и строго держащих свой адат и шариат, но и в них незаметно, исподтишка, начинается вкрадываться новая разлагающая атмосфера жизни.

Дикое, вольное и красивое у черкесов исчезает. Исчезают они и сами.

Грамота для черкеса убийственна. Почти все учащиеся в душных городах верные жертвы чахотки. Сколько погибло их в цветущих юных годах! Как печальны и жалки те, которые выносят несколько лет непосильного для

них учения. Они похожи на красивые цветки, пересаженные с просторных вольных степей в комнатные банки и редко поливаемые необходимой для них водой.

То ли было с ними в горах!

Сколько простора, сколько свободной и вольной жизни там! Нет там цепей равнины! Руки свободны, ум не занят жизненной неудачей и завтрашним днём!

«Наш друг и учитель горный орёл! Его жизнь нам сродни; равнина, подчинённость и законы нам гибельны!» — невольный крик каждого вольного горца.

«Горы — наше спасение!..»

Старики спят и бредят родными горами, где они родились и свободно провели самое дорогое время жизни — детство.

В горы!.. В те чудные красивые Кавказские горы! Там свобода, там жизнь, вольная, хорошая и желанная жизнь. Там каждая птица, цветок, зверь живёт своей свободной и дорогой жизнью. Туда, в те милые неприступные горы, в дремучие тёмные леса! К свободным могучим орлам...

«Душно нам здесь. Давят нас своим однообразием равнины, и мы медленно и мучительно больно задыхаемся в их тисках. Верните нас в наши милые родные горы! Спасите нас от гибели!» — вот невольный крик каждого черкеса, сознающего гибель своего «чудного народа».

Однажды, в 1909 году, во время майкопской нефтяной горячки, мне с одним стариком-черкесом пришлось побывать в горах около станицы Баговской. Мы с ним зашли в самые дебри гор. Кругом были скалы, обрывы, долины, горные ручьи и непроходимый девственный лес. Было жутко и страшно, но вместе с тем и приятно от чудной окружающей природы. Черкес много рассказывал об этой местности. Всё здесь было ему знакомо! Каждый бугорок, каждый ручеёк, ущелье, скалы знал он и называл их собственными именами с приложением события или рас-

сказа о них. В горах мой спутник-старик как будто переродился, он весь сиял юношеским счастьем и живостью. Лицо его разгорелось, глаза были полны огня и жизни. Глядя на него, казалось, что это не старик, убежденный сединами, а юноша, старческая дряхлость и седина как-то стусевывались его жизнерадостной оживлённостью. Родные вольные места невольно превратили его в юношу.

Мы, тем временем, вышли на небольшую поляну, усеянную холмиками.

«Здесь наша отца и мама спит», — проговорил он, указывая на покрытые густой травой холмики.

Лицо его вдруг омрачилось грустью. Сложив на груди руки, он печально подошёл к двум, рядом стоящим холмикам, и склонился над ними. Из глаз его упало несколько крупных слёз.

Старик-черкес плакал!

За моё долгое и близкое знакомство с ними я видел первого человека-горца, который плакал.

Плакал он молча. Уткнувшись лицом на могилу и обхватив рукой, он со стоном обнимал её. Судорожные вздрагивания всего его тела невольно «говорили» о его тяжёлых рыданиях.

Плакал он полчаса; затем, поднявшись, как-то виновато взглянул на меня, смахнул с глаз предательские слёзы и тихо повторил:

— Это здесь наша отца и мама спит.

Сколько горя и тоски слышалось в его старческом голосе...

Отец и мать спят на родной вольной земле, спят заброшенные и забытые, а их дети, оторванные от этой земли, заброшены далеко от этих дорогих им могил. Невольно сердце сожмётся от тоски и слёзы потекут из глаз.

— «Здесь наша отца и мама спит».

Нет, здесь спит всё прошлое, все мечты и воспоминания каждого черкеса. Здесь покоится жизнь черкесов, которые «привлекали внимание европейца».

Умрёт этот старик и после него уже никто не укажет на эти последние памят-

ники — могилы бывших свободных горных орлов — черкесов.

Быть может, когда-нибудь, их праправнук случайно и будет гулять по горной местности, наступит ногой на эти могилы и не содрогнётся от ужаса, что своей ногой он топчет прах своих славных предков, и с благоговением не склонится пред их былым величием.

С неподдельной грустью старики-черкесы смотрят с противных равнин на синюющие вдали неприступные горы.

Могучий хриплый крик вольного орла, парящего в высоте, зовёт их назад в родные горы. Его плавные и редкие взмахи крыльев невольно напоминают тихие взмахи рук, мающих к себе.

— Ко мне, — мне скучно без вас! Ко мне, мои братья по жизни! — слышится его крик над горами. И этот зов с жадной тоской слушают старики-горцы.

— Орел — наша птица, — говорят они...

Сколько рассказов, воспоминаний, преданий и легенд в зимние долгие ночи передают старики молодому поколению о своей жизни в дорогих горах! С каким жизненным воодушевлением и страстью передают они быстрое и с какой жадной внимательностью слушает их молодёжь! Что-то могучее, славное и великое чувствуется в это время в груди и в умах присутствующих! И вдруг какой-нибудь рассказ прерывается жалобным звуком двухструнной самодельной зурны и заунывным пением песнопевца, с тяжёлыми редкими припевами всех присутствующих: «Го-о-о...о-ой!», кажущегося для европейца стоном погибающего. Жутко и приятно бывает от этой песни и невольно с благоговением преклоняешься пред былым «чудного народа»...

В настоящее время самым страшным для черкесов является солдатчина.

Срок свободы от отбытия воинской повинности, после покорения Кавказа, горцам давно истёк и за последнее время они, дабы

избавиться от рекрутских наборов, платят за это подушный налог.

Русское правительство думает уничтожить этот налог и привлечь горцев к отбытию воинской повинности. Горцы соглашаются отбывать эту повинность только как казаки, а не солдаты. Казачество своей жизнью, одеждой и службой более подходит к их жизни и быту. Солдатчина для них будет непосильна и противна их убеждениям. Фуражки и куцая солдатская одежда запрещены им адатом. Пешая служба, можно сказать, для рождённого на коне горца будет тяжела.

Пеший солдат-черкес, в противной для него новой одежде, будет походить на стреноженную быструю лошадь.

Солдатчина для черкесов будет убийственна.

Мне думается, что и правительство не должно делать этого. Скорее оно должно пойти навстречу желаний черкесов и из них создать новый конный кавказский полк, годный для службы России, чем, превратив его в солдатчину, из чудных наездников создать что-то «стреноженное».

Несли же горцы добровольную службу во время турецкой, японской и настоящей войны и сколько пользы принесли они, сидя верхом на конях; что получилось бы из них, если бы они были пешие?..

Добавлю, что постепенное приучение горцев к отбытию воинской повинности, можно впоследствии приноровать и к солдатчине.

Солдатчина в своё время породила массовое дезертирование горцев в Турцию.

Майкопское эхо. 1916. N 200 — 204.

По горам. От Майкопа до Тульской.

...За Даховской населённые пункты: Тёмный Лес, Сахрай и Хамышки. Главное занятие жителей — лесной промысел...

Леса встречаются всевозможных пород тёплого и холодного краёв, начиная от не-

ВАСИЛИЙ БУДАРНЫЙ

жой липы, могучего крепкого дуба и кончая хвойными деревьями: елью и сосной. Местами здесь попадает ценная и редкая теперь для нашего края пальма (самшит). За порубку пальмы закон строго преследует, и виновные подвергаются штрафам, но, несмотря на это, жители ухитряются срубить деревья и в траве, одежде и т. п. вещах провозить их для продажи на базар.

Пальма особенно ценится черкесами, из неё они вырезают столовые ложки и некоторые части для сёдел и других вещей, требующих твёрдого дерева.

Горные леса делятся на дачи: казённые, войсковые и общественные. Первые и вторые ещё сохранены, но последние почти вырублены.

А сколько здесь разных цветов и разных кустарных растений! Описание их составило бы целые тома. В жаркий июльский и августовский день вы здесь свободно можете найти наши весенние цветочки: фиалку, подснежник, ландыш и жасмин. Есть и дикая роза.

А какая здесь масса разных фруктовых кустарников и плодовых деревьев! Лыча (по-азиатски алыча), груша, кислица, кизил, трёнен, черешня, ожина, клубника, малина, орехи, каштаны, чинары, и пр. встречаются чуть ли не на каждом шагу и ежегодно приносят сильные урожаи.

Но, к сожалению, всё это находится у нас в забросе. Плоды жителями собираются только для своих потребностей. Остальные остаются неубранными, падают на землю и гниют. Казак скорее срубит плодородное дерево и продаст его за 60 – 80 к., чем с этого дерева ежегодно соберёт плодов на 3 – 4 рубля.

Вреда наносимого бесцельной рубкой леса казак не понимает или не хочет понять. Он рубит и уничтожает лес без разбору и без смысла! Нужна ему ось, – он рубит чуть ли не столетнее дерево и, вырубив нужную ему часть, остальное оставляет на гниение. А сколько леса беспощадно рубится для шпал! Из-за трёхаршинной шпалы валяются громадные гиганты, которые из-за пустой сердцевины или частых сучков бросаются неиспользованными.

А какая масса леса пропадает от падения рядом срубленных или поваленных ветром деревьев! Куда не глянешь, где не ступишь, всюду валяется срубленный или поваленный лес.

Лес невольно напоминает поле, по которому с боем прошёл неприятель. Всюду трупы и трупы! Трупы сильных, крепких и могучих деревьев.

Слёзы невольно навертываются на глаза при виде бесцельно погубленных красавцев леса от безжалостной руки человека.

Если человек продолжит такое опустошение ещё 10 – 20 лет, то лес совершенно исчезнет с гор Кавказа.

Часто лес рубится, лишь потому, что «чешутся руки», или узнать острие топора, или дерево мешает прямому проходу.

Некому лес пожалеть! Некому!

Года два-три назад горные станицы постановили было приговора о рубке леса правильными участками, но эти приговоры сами же составители и нарушали, – лес рубили кто где вздумал. Во многих уже безлесных станицах в настоящее время существуют лесные объездчики, назначение которых – охранять жалкие остатки лесов, состоящих из груш, кислиц и искривлённых и изуродованных деревьев.

Некоторые станицы теперь делают посадку деревьев там, где лет 20 назад стояли чудные непроходимые леса.

Громадную оплошность жители делают, вырубая леса по берегам рек, ручьев или по кручам. Во время разлива рек сносятся берега, затопляются низины и с гор смыывается чернозём. Во многих местах, где раньше стояли девственные места, в настоящее время виднеются голые безжизненные утёсы или скалы. Прежде по склонам гор стоял лес и росла сочная трава, на которой пасся скот, теперь эти склоны стоят совершенно обнажённые. Дожди посмывали с них землю и громадное количество десятин земли, приносившей ранее пользу, теперь стали совершенно негодными.

Лет 10 – 15 тому назад ближайшие к Майкопу горные станицы свои горы сдавали черкесам под пастбу табунов и стад, теперь черкесы перекочевали вглубь гор. Приносившие раньше доход горы теперь остаются в забросе.

Майкопское эхо. 1914. N105.

Имя автора этих очерков (публикуемых в сокр.) сегодня, к сожалению, основательно забыто и, пожалуй, ничего не скажет нашему современнику. Между тем в общественной и культурной жизни дореволюционного Майкопа он был довольно заметной фигурой, пользовался среди горожан репутацией энергичного и передового деятеля. Много и активно выступал на страницах печати Майкопа, Армавира, других кавказских городов со статьями, очерками, путевыми заметками, аналитическими обзорами и корреспонденциями, в которых нашёл отражение широкий и актуальный круг вопросов и тем, волновавших в ту пору провинциальное общество. Его газетные публикации – от острых и критических замечаний «на злобу дня» до регулярно появлявшихся отзывов и рецензий на театральные постановки и музыкальные вечера местных любителей и гастролирующих трупп и ар-

тистов, пользовались неизменной популярностью у читающей майкопской публики.

Василий Максимович Бударный, а речь именно о нём, родился в семье иногородних выходцев с Украины, поселившихся в Майкопе в конце XIX века. Отец его занимался мелкорозничной торговлей, в чём преуспел, и считался относительно состоятельным человеком. В начале 1900-х гг. он выстроил на улице Базарной (Майкопской) напротив Дровяной площади (пл. Дружбы) двухэтажное кирпичное здание, которое использовалось в качестве доходного дома. Унаследовав его от отца, братья Василий и Андрей Бударные сдадут домовладение наём одному из городских начальных училищ; с 1915 года в нём разместится часть классных помещений Майкопского учительского института.

Ещё в пору юности В. Бударный осознанно избрёт весьма востребованную обществом, но нелёгкую и зачастую неблагоприятную стезю служения на ниве просвещения, предпочтя сулившему личные блага «промысловому свидетельству», другое – о присвоении звания народного учителя. В первое время преподавал общеобразовательные предметы в церковно-приходских и миссионерских школах Ставропольской епархии. Как свидетельствуют сохранившиеся источники, его всегда глубоко волновали вопросы обучения и воспитания подрастающего поколения, педагогическая проблематика в целом. Состоянию и улучшению постановки школьного дела в г. Майкопе и крае, профессиональной подготовке и социальному положению народного учителя посвящена немалая часть публикаций В. Бударного 1910-х гг. Школьная и учебно-методическая тематика почти всегда присутствовала и в его сообщениях из Майкопа в качестве общественного корреспондента армавирских «Откликов Кавказа».

В сентябре 1912 года В. Бударный увольняется из 1-го мужского ц/п училища г. Майкопа и вскоре вообще порывает с церковным образованием. «...Причиной увольнения послужили несвоевременная уплата жалования и некорректное отношение заведующего к учителю». О конфликте учителя-вольнодумца с епархиальным начальством не преминула поведать своим читателям одна из городских газет. (См.: МГ. 1912. N 198. С. 3). Не исключено, что эти события и послужили побудительной причиной и поводом к инициированию В. Бударным идеи создания общества учителей г. Майкопа. Корпоративного объединения, призванного отстаивать и защищать коллективные интересы учительского сообщества, содействовать улучшению социально-правового и материального положения школьных ра-

ботников. (См.: Что же делать? // МГ. 1912. N 117; Письмо к учителям // МГ. 1913. N 51). К этому же времени относится активизация литературно-публицистической деятельности В. Бударного с заметным расширением её жанрового и тематического диапазона. Принадлежащие перу талантливого майкопского журналиста и обозревателя городские хроники, в которых, как отмечалось выше, нашли отражение самые разнообразные аспекты окружавшей его действительности, могут служить важным источником по реконструкции истории народного просвещения, печати, общественной мысли Майкопа и региона, а также системы городского самоуправления и особенностей её формирования. Статьи и заметки В. Бударного в кубанской периодике позволяли, помимо прочего, воссоздать в любопытных подробностях и деталях достаточно целостную и объективную панораму провинциальной культурной и художественной жизни южной России и Северного Кавказа начала минувшего столетия. Нельзя не упомянуть, в этой связи, и о его собственных опытах драматургического творчества. В майкопской печати периода мировой войны можно встретить информацию о постановке на любительской сцене патристической пьесы В. Бударного «Спасение знамени». (См.: XX век // МЭ. 1916. N 219. С. 2). Таким образом, у нас есть веские основания говорить о нём как об одном из первых, если не первом самостоятельном драматурге Майкопа.

В обширном печатном наследии В. Бударного, а он был, безусловно, наиболее плодотворным майкопским журналистом и литератором дореволюционного времени, следует выделить большой цикл путевых очерков 1914 г. «По горам» (МЭ. 1914. NN 96 – 105). Красочное и не лишённое известных художественных достоинств описание предгорий Северо-Западного Кавказа, содержит, вместе с тем, немало небезынтересных сведений об истории, природно-климатических особенностях, географии и топонимике региона, хозяйственных занятиях его прежних и современных обитателей. Восторженно живописуя кавказскую природу, В. Бударный в то же время не может скрыть своего недоумения и возмущения, наблюдая за неразумным и неподдающимся разумным объяснениям отношением к ней населения так называемой «нагорной полосы». И в этих местах повествование приобретает особую эмоциональную окраску и выразительность, что, впрочем, в той или иной мере присутствует в большей части его художественно-публицистических очерков и статей.

Гражданским пафосом и чувством патриотизма проник-

нуты публикации В. Бударного, посвящённые проводимым в Майкопе общественно-филантропическим акциям: «Дню Белого цветка», «Дням Польши», благотворительным концертам и вечерам по сбору средств в пользу больных и нуждающихся горожан, школ и беднейших учащихся, раненых воинов и инвалидов. Он сам был деятельным участником и одним из организаторов многих социально-культурных начинаний, что придаёт его сообщениям информационную и источниковую ценность и достоверность. В 1915 – 16 гг. по поручению общественного самоуправления Майкопа он лично руководил комиссией по сбору и отправке на передовые позиции в действующую армию тёплых вещей и подарков, о чём позже подробно напишет в нескольких номерах городской газеты.

В. Бударный неоднократно обращался к черкесской тематике; писал о прошлом и настоящем положении коренных жителей края, о которых, по его же признанию, вследствие «долгого и близкого знакомства», знал и судил не понаслышке. По имеющимся данным в течение ряда лет он проживал в селении Егерухаевском Майкопского отдела, где учительствовал в русской «школе грамоты». Впоследствии, сообщая в одной из газетных заметок сведения о деятельности православных миссионеров, В. Бударный осудит вмешательство церкви в дело просвещения кубанских горцев и выскажется в пользу распространения среди них светского образования. (См.: О школах в аулах // МГ. 1912. N 285. С. 3).

О неподдельном интересе В. Бударного к традиционной культуре и народному творчеству адыгов, пробудившемся, очевидно, во время непосредственного пребывания в горской среде, свидетельствует опубликованное им в «Майкопской газете» фольклорного цикла «Из черкесских преданий» (МГ. 1912. NN 176, 180, 207, 211). Собранный и переведённый на русский язык уникальный материал, зафиксировавший, в частности, факт своеобразного сосуществования христианских и мусульманских мотивов в фольклоре и религиозном сознании адыгов, представляет определённую научную ценность. Эти сюжеты, насколько нам известно, всё ещё остаются вне поля зрения специалистов.

Что же касается очерка «Черкесы», текст которого приводится с некоторыми сокращениями, то мы считаем излишним его подробно комментировать и оценивать, представив это самой читательской аудитории. Отметим лишь, что автор столетней давности майкопской публикации, с пониманием и искренним сочувствием высказавшийся относительно трагической судьбы автохтонного населения края, «по определению» не может

МАЙКОПСКИЙ ЭРУДИТ

не вызывать уважения. Её главный лейтмотив: вынужденная и насильственная смена привычного ландшафта, «родных гор» на «пугающую ровную равнину» (читай – наиболее заболоченные и малорайные земли Прикубанской низменности) и явилась основной причиной, приведшей оставшихся на родине церковно-адыг и их самобытную культуру к подлинной национальной катастрофе и угрозе полного исчезновения. Подобная позиция звучала резким диссонансом панегирикам, самодержавию и его цивилизаторской миссии, доминировавшим в официозе и общественной печати России периода полувекового юбилея покорения С.-З. Кавказа. Очерк, вне всякого сомнения, может быть отнесен к числу достойнейших образцов общественной и художественной мысли русской провинциальной литературы начала прошлого века. «Черкесы», на наш взгляд, как нельзя лучше характеризуют В. Бударного не только как незаурядного литератора-очеркиста, но и высоко нравственную личность, человека гуманистических убеждений, сумевшего подняться над национальными и иными предрассудками и стереотипами, присущими общественной среде и исторической эпохе, к которым он принадлежал...

Проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия древнего населения Северо-Западного Кавказа

затронуты В. Бударным в газетных заметках «Раскопка курганов» (МГ. 1912. N 145. С. 3) и «Пещера» (Отклики Кавказа. 1914. N 147. С. 3). Информация об обнаружении исторических артефактов в пещере близ ст. Царской в своё время привлекла внимание Императорской Археологической комиссии, поместившей её в своих Известиях за 1915 г., в рубрике «Археологич. хроника». (ИИАК. 1915. Прибавл. к вып. 57. С. 34)...

В. Бударный сотрудничал в городских изданиях «Майкопская газета» и «Майкопское эхо» вплоть до их закрытия в 1915 и 1920 гг. соответственно. В советское время он вернулся к преподавательской и административно-педагогической работе. Долгое время В. Бударный трудился в структурах горног. Майкопа, а позже учителем-предметником в СШ N 9. Имя опытного педагога, одного из старейших школьных работников города и области встречается в архивных делах Адыгейского и Майкопского отделов народного образования, датированных 1936-38 гг. (ГУ НАРА. Р-21. Оп. 1. Д. 185. С. 437-472).

Остаётся добавить, что в своём литературно-журналистском творчестве 1910-х гг. В. Бударный нередко прибегал к оригинальному и остроумному криптониму: «Пятый Гр.», «Гр. Пятый», «Граф Пятый», который логично связать с реальным историческим пер-

сонажем – Роджером Меннерсом, он же 5-й граф Рэтленд. В конце XIX – начале XX вв. в европейской литературе получила некоторое распространение версия о принадлежности перу этого английского аристократа значительной части «шекспировского наследия», и прежде всего пьес. Майкопский эрудит и театрал, оставивший множество рецензий и отзывов о постановках на провинциальных сценических подмостках произведений драматургии, в том числе мировой классики, не мог, разумеется, не знать об этой литературоведческой коллизии.

Атрибуция же интересующих нас текстов не представляет сколько-нибудь значительных затруднений. Необходимо и достаточно лишь внимательно ознакомиться со всем комплексом выявленных печатных источников, проанализировав их в текстологическом, стилистическом и фактологическом отношении. Приводимые же в некоторых материалах по черкесской и школьной тематике сведения, носящие явно автобиографический характер, не оставляют сомнений в их принадлежности именно В.М. Бударному.

И ещё, русская печать о значении «ландшафта» и «свободе выбора» в исторической судьбе адыгского народа.

«...Нельзя было ожидать, чтобы ...вся масса населения могла изъявить согласие поселиться на указываемых им

местах. Такие условия заставили бы призадуматься и более благоустроенные общества, нежели горские племена Западного Кавказа, между которыми не существовало единства мысли... Променять свои заветные, дышащие здоровьем, свободой, независимостью горы и леса на вредные равнины Черноморья и болотные низменности Большой Лабы – не значит ли отдать себя на жертву лихорадок? И действительно, если страшно болели живущие там казаки, как родившиеся среди этих ядовитых испарений или переселившиеся туда со степного пространства, то каким образом могли перенести эту миазму жители гор, дышавшие всегда свежим, здоровым воздухом?..».

(Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866 г. // Русская старина. 1895. N 10. Ч. 5. С. 144 – 145).

Заселённые казаками «равнины Черноморья» (нынешняя житница России), в природно-климатическом и др. отношениях ни в коей мере не сопоставимы с условиями кубанского левобережья, «предоставленного» самодержавием остаткам адыгов. Откровения генерала М.Я. Ольшевского тем более любопытны, что принадлежат не просто видному царскому военачальнику, а бывшему командующему войсками Куб. области, непосредственно и осуществлявшему на практике проект Евдокимова-Барятинского по военной колонизации предгорий С.-З.

Кавказа с одновременной депортацией его исконного населения.

«...По мере приближения к ст. Владимировской возвышенности, окаймляющие долину, постепенно сближаясь между собою, ...при слиянии рек Лабы и Ходзь переходят в волнообразную поверхность, по местам почти ровную, степную, с необъятным небесным сводом. Резкий контраст природы невольно возвращает мысль к пройденному пути, – к горам с их чарующими красотою, к тёмнозелёным лесам и долинам, с их бурными горными потоками. И поняли мы, как должны были болеть душой горцы, когда их переселили с родных гор на открытые равнины. «Смотреть не хочу на равнину и степи», – говорил нам, сверкая огненными глазами, бывший переводчиком при поездках Владык по аулам бравого урядника – мусульманина Мусса Шарданова*. И взоры закубанских адыг, подобно магнитной стрелке, всегда направлены в родные горы...

*В эту поездку мы с сожалением узнали, что этот благородный и просвещённый горец скончался в чине прапорщика милиции от скоротечной чахотки».

(Путешествие Преосвященного Агафодора по епархии в 1899 году // Ставропольские епархиальные ведомости. 1900. N 1. С. 17 – 18).

Материалы подготовил
Азамат БУЗАРОВ.

Правление Каитбая

Продолжение, начало
в выпуске 13 (96).

В 1487 г. из Стамбула выступила новая мощная армия во главе с великим визирем Дауд-пашой. Ала ад-Даула подстрекал османов к прямой атаке мамлюкской Сирии, но Дауд-паша ограничился подавлением племен Тургулду и Варсак в Карамане. После чего он возвратился в Стамбул.

В 1488 г. началось генеральное наступление османов на мамлюков как на суше, так и на море. Сухопутную армию возглавил бейлербей Румелии Хадим («Евнух») Али-паша. Морскими силами из 80 судов командовал отпущенный из плена Херсекзаде Ахмед-паша, что свидетельствовало об огромной степени доверия, которой он пользовался у Байазеда. Войдя в Киликию, османы во второй раз захватили Адану и Тарс.

Османы пытались привлечь Венецию на свою сторону, как из-за ее военно-морской мощи, так и для использования подконтрольного ей Кипра. Венецианский флот помешал

армаде Херсекзаде пристать к кипрским гаваням. Сил в распоряжении османского адмирала было достаточно, чтобы, причалив как союзник, захватить весь остров. Тем не менее, османы причалили в заливе Искендерон на побережье Сирии и, высадившись, могли вовремя помешать движению мамлюкской армии на север, навстречу сухопутной армии Хадим Али-паши. Но случился сильный шторм, который разметал эскадру по морю и мамлюки беспрепятственно направились к Адане.

«Армия Хадыма Али, – пишет К. Финкель, – потерпела сокрушительное поражение в произошедшей позднее битве и бежала, преследуемая силами огузо-туркменских племен. Мало утешало то, что мамлюкский отряд, возвращавшийся в Алеппо, был разбит Херсекзаде Ахмедом. Хадым Али отошел в Караман и попытался перегруппировать свои разрозненные силы. Многие из османских провинциальных военачальников, бежавших с поля боя, были доставлены в Стамбул и заключены в крепость Румели-Хисары на Босфоре. Крепость Адана противосто-

яла осаде три месяца, прежде чем османский гарнизон сдал ее мамлюкам. Поражение стоило османам поддержки нескольких огузо-туркменских племен, на которые они ранее могли оказывать влияние, а также позволили Алауддевле из Дулкадира более открыто отдавать предпочтение мамлюкам, как сильнейшему государству в регионе. Османы отреагировали, поддержав его брата Сахбудака в качестве правителя Дулкадира, но не смогли навязать его кандидатуру, и он был отправлен пленником в Египет, где тоже принял сторону мамлюков». (Финкель К. История... С. 133).

В изложении Фишера, это генеральное сражение выглядит следующим образом:

«Азбей с 40-тысячной армией достиг Аданы, где 17 августа 1488 г. столкнулся с османскими войсками. Турки прибыли на место сражения позднее египтян, которые решились атаковать немедленно, чтобы нивелировать преимущество противника в численности, опыте и оружии. Первоначально успех был на стороне турок, но их анатолийская армия на правом

фланге попятилась, и одновременно с этим побежали караманцы, занимавшие левый фланг османов. Египтяне почти окружили Али-пашу с его янычарами и сипахами, но ближе к полудню Азбей начал отступление, думая, что терпит поражение. Османы не воспользовались своей победой, но возвратились в лагерь, чтобы обнаружить его разграбленным в их отсутствие. Херсекоглу тем временем сумел бежать с поля битвы, по бегущим египтянам, которые на следующий день возвратились на место боя, чтобы обнаружить, что Али-паша и его армия отступили в Эргели. Азбей затем осадил и взял Адану к 1 апреля 1489 г., после того, как ее пороховые погреба были взорваны. Карагёз-паша, который первым бежал с поля битвы, был обвинен в поражении 1488 г. Он был вызван в Истанбул и казнен. После того, как египтяне заняли Тарсус и Адану, Байазед не был склонен к заключению мира, и не согласился с теми предложениями, которые были сделаны послом Каитбая, который прибыл в Истанбул в 1489 г. Тем не менее, военных стол-

кновений между Турцией и Египтом в этот год почти не было». (Fisher S. N. The Foreign... Р. 40).

Планы Иннокентия VIII использовать Джема для организации крестового похода на Константинополь, отвлекали Байазеда от наступления на Египет. В Каире также нуждались в мире, поскольку цены на продовольствие сильно возросли и одновременно выросло недовольство войной.

Байазед на этот момент решил ограничиться поддержкой Будака, своего претендента на трон Дулкадира, и направил значительные силы против Ала ад-Даулы. Тот был начеку и нанес сокрушительное поражение армии своего брата. Будака и семеро османских пашей были захвачены в плен и отправлены в Каир. Ала ад-Даула принялся опустошать Анатолию до такой степени, что посеял тревогу в европейских провинциях османов. Байазед мобилизовал все силы с целью изгнания мамлюкского вассала со своих территорий и нанесения поражения самим мамлюкам.

«Али-пашу, – пишет Фишер, – отстранили от поста главнокомандующего и во главе

ОСМАНЫ И ЧЕРКЕСЫ

экспедиционной армии был поставлен Херсекоглу Ахмед-паша. Более того, Байазед размышлял о целесообразности самому возглавить армию, но был удержан от этого сильными штормами в Истанбуле. Херсекоглу выступил в Кайсери, которую уже осаждали мамлюки Азбея и туркмены Ала ад-Даулы. Прибыв слишком поздно, он был захвачен египтянами и во второй раз как пленник отправлен в Каир. Однако голод в Анатолии заставил Азбея отступить, а Байазеда – воздержаться от преследования. Обе нации были готовы к миру, а по смерти короля Венгрии, у Порты появились возможности добиться преимущества на азиатском фронте». (Ibid. P. 41).

Мир был заключен при активном посредничестве посла Туниса, искавшего поддержки от испанского вторжения сначала у Каитбая, потом у Байазеда. И, если первый мамлюкский посол Мамай ал-Хаски был оскорблен и брошен в заключение, то сменивший его эмир Джанбалат добился скорого подписания мирного договора при поддержке верховного османского муфтия из Бурсы и тунисского посла.

Адана, Тарсус и другие пограничные крепости отошли к Египту, хотя и Каитбаю пришлось пойти на значительную дипломатическую уступ-

Площадь Азбакийа в конце XVIII в.

воедино 4,000 (четыре тысячи) мамлюков и обошлась в один миллион динаров. (Raimond A. Cairo. City of History. Translated by Willard Wood. Cairo: The American University in Cairo Press, 2001. P. 170). В целом, расходы на военные экспедиции против турок составляли, согласно Ибн Ийасу, 7,165,000 динаров, что поставило экономику Египта на грань краха. (Ayalon D. The System of Payment in Mamluk Military Society // Journal of Economic and Social History of the Orient. Vol. 1.

в административную систему. Происходило вполне наглядное упразднение местных режимов, а бывшие владельческие семьи превращались не более, чем в заурядных землевладельцев, которыми легко помыкали выскочки из центрального аппарата, почти всегда, к тому же, бывшие рабы из христиан. Этот сценарий уже был реализован в западных областях Анатолии, поэтому владельцы Дулкадира, Карамана и Рамазана были в большей степени заинтересованы в дистанцированном и едва ощущаемом контроле из Каира.

Трафик черкесских невольников и османско-мамлюкское соперничество при Каитбае.

Халил Сахиллиоглу, автор исследования о рабах в социальной и экономической жизни османской Бурсы в конце XV и начале XVI в., приводит ряд документов, демонстрирующих полное преобладание черкесов в общем числе кавказских рабов, переправлявшихся через различные азиатские порты и Бурсу.

Фактически, профессиональные работоторговцы выступали здесь в роли вербовщиков мамлюков, что отмечает и Сахиллиоглу: «Персидские и арабские торговцы, и те османские торговцы, которые проделывали долгий путь, без сомнения, имели покупку и продажу рабов своей основной деятельностью. Мы должны также упомянуть в этом контексте существование профессиональных работоторговцев, которые прибывали в Бурсу для приобретения черкесских рабов для их перепродажи в мамлюкскую армию». (Sahillioglu H. Slaves in the social and economic life of Bursa in the late 15th and early 16th centuries. // Turcica. Vol. XVII. Paris, 1986. P. 77.).

После начала войны с Египтом в 1485 г., султан Байазид II запретил экспорт рабов не только в Сирию и Египет, но и в Персию, поскольку оттуда они переправлялись к мамлюкам. В 1489 г. этот

запрет еще действовал, поскольку, согласно Ибн Ийасу, Каитбай выдвинул одним из главных условий начала переговоров о мире отмену этого османского эмбарго на деятельность работоторговцев. (Sahillioglu H. Slaves... P. 81).

Статистика продажи черкесских рабов через Бурсу за 1486 – 1487 гг. говорит в пользу того, что транзит черкесов через Анатолию не прекратился.

Так, 3 марта 1486 г. через Керпе в Бурсу были доставлены 37 черкесов, где они были куплены Мехмедом бин Абдуллахом за 8440 акче, что составляло 234 акче за человека. 13 февраля 1487 г. были также из Керпе доставлены 58 черкесов и приобретены группой торговцев из Бурсы. 15 ноября 1487 г. из Керпе в Бурсу доставлены 22 черкеса, приобретенные Хасаном бин Хаджи Сулейманом за 3850 акче (175 акче за человека). 17 ноября 1487 г. из Керпе в Бурсу доставили 70 черкесов, купленных Хаджи Мехмедом бин Юсуфом и партнерами за 11.200 акче (по 160 акче за человека). (Ibid. P. 71). Полностью арабские имена тех купцов, которые целенаправленно скупали черкесов, а также почти полное отсутствие единичных сделок, может свидетельствовать о том, что все эти черкесы предназначались для пополнения мамлюкской армии.

Цены на черкесских невольников сильно разнятся. Так, в 1479 г. наместник Хамы в Сирии приобрел у османского купца из Кайсери двух черкесов – Сантибега и Канибега – за 3450 акче. (Ibid. P. 81). Не тот ли это Канибег или Канибай ал-Чаркаси, который стал эмиром, главным конюшим при Кансаве ал-Гаури в начале XVI в. и построил великолепную мечеть рядом с Цитаделью? Эта мечеть считается одним из шедевров мамлюкской архитектуры Каира. (Mamluk Art. The Splendour and Magic of the Sultans. Cairo, 2001. 82-83).

На основе документов из

архива Бурсы Сахиллиоглу составил таблицы, демонстрирующие нам численность, происхождение и половой состав рабов.

В трех регистрах 1465 – 1466 гг. с общей численностью в 903 раба, черкесов – 10.

Из 171 раба регистра 1472 г. черкесов – 3, других кавказцев нет.

Из 772 рабов регистра 1484 г. черкесов – 26, других кавказцев нет.

Из 654 рабов регистра 1489 г. черкесов – 63, других кавказцев нет.

Из 514 рабов регистра за 1511 – 1513 гг. черкесов – 30, абхазов – 2, грузин – 1. (Ibid. P. 98 – 104).

Эти данные далеки от полноты, но ясно показывают явное преобладание черкесов среди кавказских рабов. Но при этом черкесы очень сильно уступают русским и уроженцам Балкан.

Мухаммад ал-Халаби, войсковой кади при экспедиционном корпусе мамлюков, направленном в Анатолию, в 1471 г. отметил, что местный феодал Сарим ибн Пахлаван «захватил в пути между Малатией и Бахасна один караван, в котором находились черкесские мамлюки с купцом по имени Шайхи». Это привело к тому, что мамлюкский наместник Малатии осадил гору, на которой укрывался мятежный феодал. Поскольку инцидент произошел непосредственно перед появлением огромной армии мамлюков, можно предполагать, что купец и черкесские мамлюки, которых насчитывалось 28 человек, были освобождены. (Мухаммад ал-Халаби. Поход эмира Йашбека. Пер. с араб. З. М. Бунятова, Т. Б. Гасанова. Баку: «Элм», 1985. С. 22 – 23).

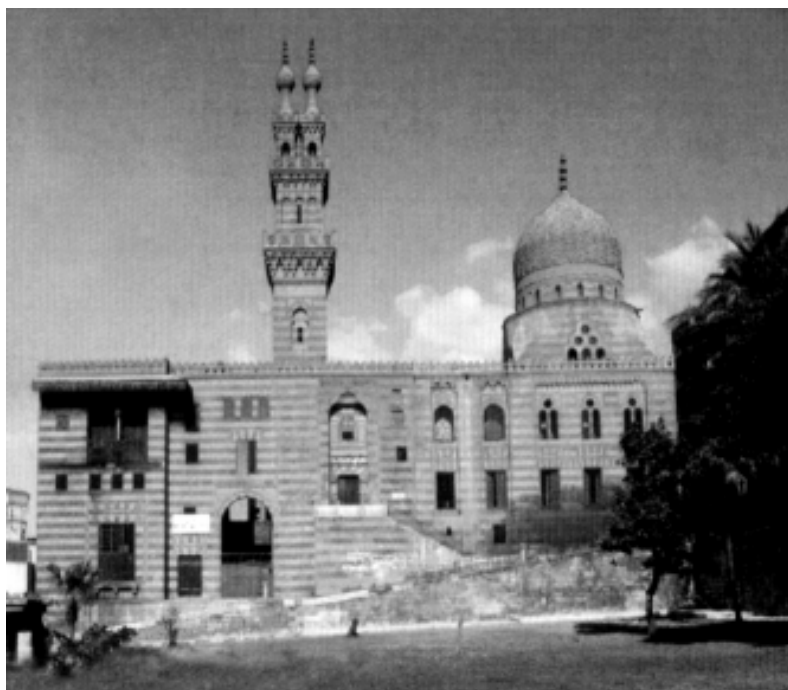
Трафик через азиатские порты увеличился с падением Каффы в 1475 г. Но одновременно он стал уязвим со стороны турецких властей, требовавших от купцов письменных обещаний и поручителей в том, что они не перепродадут невольников в Египет.

Лампа с гербом мамлюкского эмира Канибая ал-Джаркаси. Начало XVI в. http://www.flickr.com/photos/egyptmemory_online/5139257262/.

Продолжение в следующем выпуске.

Самир ХОТКО.

Мечеть Канибая ал-Джаркаси возле каирской цитадели. Нач. XVI в.

ку, признав, что эти владения будут находиться под формальным протекторатом Мекки и Медины. Тем не менее, османский посол Зейнеддин Али доставил ключи от этих городов Каитбаю в Каир. Херсекоглу и множество османских пленников были освобождены и мирный договор окончательно подписан обеими сторонами в 1491 г. (Ibid. P. 42).

Мамлюки, одержав верх в одной из самых важных войн в своей истории, по праву считали себя победителями. Но казна Каитбая была опустошена. Так, большая экспедиция 1488 г., возглавленная Азбаком (Azbak), свела

Leiden, 1958. P. 273 – 274).

Как мы убедились, правители Дулкадира и других туркменских эмиратов могли предпочитать мамлюкское верховенство, поскольку таковое не влекло за собой ликвидацию их владельческих прав. Они оставались, фактически, самостоятельными правителями, а сюзеренитет мамлюкского султана требовал поддержки во время войны, общего проявления лояльности, символической дани. Османский режим, в отличие от мамлюкского, требовал полного подчинения, весьма существенного ограничения самостоятельности местных эмиров, включение эмиратов